

ПАМЯТИ ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА ОБОЛЕНСКОГО

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит

А. Ахматова

23 декабря 2001 г. скончался князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский (именно так, с византийским произношением Δημήτριος произносил и он сам свое имя), наверное, самый крупный из современных византинистов старого поколения и безусловно одна из самых ярких фигур русского рассеяния. Правнук князя Воронцова-Дашкова, отпрыск фамилии Шуваловых, он принадлежал к тем слоям российского общества, которые отличались прежде всего чувством исторической ответственности за судьбу России. Именно это чувство определило в большей степени жизненный и профессиональный выбор Оболенского. Он родился 1 апреля 1918 г. в Петрограде. Первоначально родители увезли сына в алупкинский дворец, тот самый, куда в 1944-м Сталин поселил Черчилля, но год спустя, в 1919-м, семья отправилась в Париж на британском линкоре, навсегда оставляя российский берег. Детские и лицейские годы в Париже совпали с предвоенным временем, но в начале войны, когда “над погибшим Парижем” встала мертвенная тишина, нарушаемая разве мерным стуком тевтонских патрульных сапог, Дмитрий Дмитриевич возвращается на Альбион, где в 1942 г. окончательно избирает академическую карьеру и посвящает отныне всего себя истории Византии и балканско-славянского мира, того, который он впоследствии с британской корректностью назовет Commonwealth. В 1946 г. Дмитрий Дмитриевич пишет диссертацию по истории богомильского движения, которое он рассматривал как рецидив манихейства на Балканах. Эта работа была опубликована как книга два года спустя, став пионерской для целого направления исследований павликианства и мессалианства. В промежутке было много разных событий: женитьба на Елизавете Лопухиной, получение места в Тринити колледж в Кембридже. Однако выбор семьи был определен именно принятием британского подданства и переездом в Оксфорд, где в оксонианском академическом пейзаже (Крайст Чёрч колледж) и прошла 36-летняя преподавательская и академическая деятельность князя Оболенского. Интересы его были во многом заданы его учителем Франтишеком Дворником, который уже в эмиграции писал на темы “византийской политической теории” – проблематики, которой много трудов отдали и Н. Кондаков, и Г. Острогорский, и о.И. Мейендорф – цвет русской византиистики в изгнании. Лекции Оболенского были обобщены им в монументальной книге о “Византийском содружестве наций”, которую можно рассматривать как опыт проекции британской политической теории на византийский материал. Именно благодаря Оболенскому (вкуче с вышеназванными коллегами его) тема *Byzance après Byzance* приобрела новое актуальное звучание. Дмитрию Дмитриевичу выпало счастье увидеть свой труд на родном языке в прижизненной публикации. Занимаясь византистикой, балканистикой и русистикой, Дмитрий Дмитриевич никогда не отказывался писать и обобщающие очерки по истории византийского и русского христианства. Дмитрий Дмитриевич, как вспоминали его студенты и коллеги, был очень добро-

желательным и требовательным профессором, всегда готовым помочь и проконсультировать.

Вместе с тем Дмитрий Дмитриевич не “бежал в историю”. Оценивая себя и свое сословие в ретроспективе Российской империи, Оболенский старался вывести русское наследие за рамки петербургского периода. Его укорененность в византийском прошлом, его патриотическая любовь к “Слову о полку Игореве”, наконец, его генеалогический ригоризм, проявлявшийся в возведении семейного древа именно к полулегендарному Рюрику, очевидно, были частями сознательного решения, видения им судеб послевизантийского мира и прежде всего России, которая оставалась в центре его напряженной интеллектуальной деятельности многие годы. Дмитрий Дмитриевич

Памяти Д.Д. Оболенского

особенно трепетно относился к русской поэзии, вместе с сэром Исайей Берлином он хлопотал о визите в Оксфорд Ахматовой и составил “Книгу русской поэзии” в серии “Пенгвин букс”. Русская культура, особенно поэзия, была для него главной формой существования той России, в которой можно уследить византийское наследие. С радостью наблюдал он за переменами в России и старался всегда помогать восстановлению всего здорового и исторически преемствующего исконным русским традициям. В нем не было эмигрантской узости, но была истинно византийская широта. Он был настоящим британским ученым, и его заслуги были отмечены членством в Британской Академии (1974) и рыцарским титулом спустя десять лет. Пожалуй, Британия была единственным местом, которое для Дмитрия Дмитриевича сохранило в себе нечто от Византии. Как и империя ромеев, она лишилась своих владений, но передала им дар культуры и высокие цивилизационные стандарты. Пусть эта аналогия и хромает по объективным историческим причинам, однако смысл ее в судьбе Дмитрия Дмитриевича трудно не разглядеть. Православие есть Византия по существу, но культурный процесс есть зримый знак самого преемства культур.

В 1988 г. Дмитрий Дмитриевич приехал в Россию на торжества по случаю тысячелетия Крещения Руси. Это деяние своего великого пращура св. Владимира князь Оболенский всегда переживал как грандиознейшее событие всей мировой истории. Разумеется, Дмитрий Дмитриевич, друг парижских богословов и помощник братства “Эммаус”, счел своим долгом участвовать в торжествах, равно как он с радостью принял приглашение участвовать в Международном конгрессе византинистов в Москве. В 1994 г. Дмитрий Дмитриевич был избран иностранным членом Российской Академии наук. В 1999 г. князь Оболенский опубликовал книгу своих мемуаров “Хлеб изгнания” (“Bread of Exile”), которая была историей его семьи и его автобиографией. Он скончался в Бэрфорде, графство Оксфордшир, в один из последних дней первого года наступающего тысячелетия.

С Оболенским ушла настоящая эпоха, эпоха в византинистике и славистике, эпоха в истории русской аристократии и русского рассеяния, наконец, эпоха в русском самосознании. Но Дмитрий Дмитриевич оставил нам свой труд, свои книги и своих учеников, а это очень много. Когда погребали эпоху в ахматовском плаче 1940-го года, ее останкам удостоено было покоиться в канаве, среди крапивы и чертополоха без христианского погребения, без пения псалмов и без последнего напутствия. Дмитрий Дмитриевич, можно сказать без преувеличения, почил на лаврах, так что для *его* эпохи слова псалма 118 прозвучат так, как звучат они в “Последовании мертвенном мирских тел”: *Блажени испытующіе свидѣнія его, всѣмъ сердцемъ възвѣщутъ Его, не дѣлающіи бо беззаконія въ путьхъ Его ходиша.*

Χριστός σε ἀναπαύσει ἐν χώρᾳ ζώντων, καὶ πύλας Παραδείσου ἀνοίξει σοι, καὶ βασιλείας δεῖξει πολίτην καὶ ἄφεσίν σοι δῶν ὧν ἡμαρτες ἐν βίῳ φιλόχριστε.

А.В. Муравьев